

ЗАТЕРЯННЫЕ В КОСМОСЕ

МИРОСЛАВ ВОРОНКОВ

Мирослав Воронков

ЗАТЕРЯННЫЕ В КОСМОСЕ

<https://litres.ru/74047091>

SelfPub; 2026

Аннотация

2025 год. Российские учёные создают первый в истории двигатель искривления пространства и отправляют звездолёт «Союз» к загадочному источнику сигналов, приходящих из глубин космоса.

Для семерых членов экипажа это путешествие станет испытанием не только технологий, но и человеческого духа. Пока на борту пройдёт всего пять месяцев, на Земле сменится целое поколение — минует более тридцати лет. Они вернутся молодыми в мир, который уже не будет прежним.

Впереди — неизведанная галактика, встречи с необъяснимым и открытия, способные навсегда изменить представление человечества о времени, пространстве и самом себе.

«Затерянные в космосе» — научно-фантастическая сага о цене знаний, силе надежды и людях, готовых оставить всё ради поиска ответов во Вселенной.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Мирослав Воронков

ЗАТЕРЯННЫЕ В КОСМОСЕ

Глава 1

ТОЧКА ИСКРИВЛЕНИЯ

Десятое июля две тысячи двадцать пятого года. Раннее утро. Воздух, ещё не успевший налиться зноем, был свеж и прозрачен — двадцать пять градусов по Цельсию. Техники на стартовой площадке иногда поднимали головы, прислушиваясь к пению птиц, и тут же возвращались к работе.

«Союз» стоял на площадке. Сто двадцать метров стали, квантовых матриц и инженерной дерзости. Его борта — сенсорные панели, антенны, сочленения систем — выглядели скорее, как нечто выросшее, чем созданное. Массивные опоры удерживали корабль над землёй. Он не выглядел готовым к полёту. Он выглядел терпеливым.

Это был первый полёт звездолёта в истории космонавтики с двигателем искривления пространства. Десятилетия трудов, бессонных ночей, проб и ошибок наконец сошлись в едином техническом решении. Учёные РАКА — Российско-го авиационного космического агентства — создали меха-

низм, способный не разгоняться сквозь космос, а складывать его — как лист бумаги, соединяя далёкие точки одним касанием.

Ни репортёров, ни флагов, ни речей. Только радиопереговоры и мерный гул систем. Проект «Затерянные в космосе» не значился ни в одном публичном реестре. Даже самим космонавтам была открыта лишь часть правды. Семь лет назад учёные слышали сигналы из тьмы. Поначалу редкие и короткие, с каждым разом они становились всё отчётливее. Теперь, на протяжении двух лет, гравитационные пульсации заявляли о себе каждые семнадцать часов сорок две минуты по Гринвичу. У них не было природного объяснения. Они звучали не случайно. В них был расчёт. Всё, что касалось миссии, хранилось под грифом «Совершенно секретно». Три года учёные спорили.

— Это портал в иную реальность, — утверждал профессор Лазарев. — Мы выйдем за пределы известного космоса.

— Голос чужой цивилизации, — добавлял доктор Орлов. — Мы обязаны ответить.

— Рана в ткани пространства-времени, — предупреждал академик Семёнов. — Что, если мы разбудим то, что лучше не трогать?

Четвёртый голос принадлежал директору программы — доктору космической биологии, генерал-лейтенанту Голикову. Именно он, проанализировав данные, выступил перед высшим руководством страны:

— Туда нужно послать людей. Чтобы понять. Чтобы знать.

И вот решение принято. Никто не мог сказать точно, что ждёт их по ту сторону: новый мир, голос иной цивилизации или нечто, что не вписывается ни в одну из теорий. Спор учёных так и остался неразрешённым — каждая из трёх версий имела равное право на существование. Но именно эта неопределённость, смешанная с надеждой, и толкнула на первый шаг. Технологии наконец дозрели, а учёные и инженеры создали невозможное.

Тем утром генерал-лейтенант Фёдор Фёдорович Голиков стоял в метре от «Союза». Его взгляд перебежал с одной детали на другую, по антеннам, по иллюминаторам, по соединениям разнородных систем. В памяти всплыли кадры четырёхлетней давности: запуск и уже через десять минут яркое пламя, густой дым, разлетающиеся обломки, языки огня и шлейф продуктов горения. На мгновение показалось, что небо разделилось на две половины. Стометровый беспилотный звездолёт «Прометей-1» взорвался при испытаниях двигателя. Тот корабль был прототипом — дерзким наброском того, что сейчас стояло перед ним. После «Прометея» он не спал трое суток. Не из-за расследований. Просто лежал и смотрел в потолок, прокручивая одну мысль: я это разрешил. Голиков положил ладонь на обшивку звездолёта. Металл был холодным.

— Ты идёшь не за данными, — сказал он. — Ты идёшь за ответами. Будь надёжным другом экипажа. Не подведи.

Пять месяцев и три дня бортового времени. Тридцать лет и семнадцать дней здесь на Земле.

Он произнёс это без надрыва. Просто констатация факта. Семьдесят один год. Сердце, которое врачи уже два года слушали с особым вниманием. Он всё понимал — подписал бумаги, назначил преемника, выстроил протоколы так, чтобы миссия шла дальше без него, если понадобится. Но одно дело — бумаги. Другое — стоять здесь, у борта, и знать, что, когда они вернутся, его не будет. Мирослав вернётся — и не найдёт его. Голиков думал об этом почти спокойно. Почти. Где-то за этим спокойствием жила досада: не увижу. Не узнаю, что там, за точкой искривления. Они вернутся молодыми. Мир будет другим. Многие близкие не доживут. И я в их числе.

Голиков убрал руку с обшивки. «Союз» молчал. Монументальный. Терпеливый. В его безмолвии чувствовалась сила — не напоказ, а та, что не требует слов. А рядом — человек. Старый. Живой. Отпускающий.

В Центре управления полётами царила сдержанная напряжённость. Экипаж направился на финальную медицинскую проверку перед стартом. Все они были военными офицерами и одновременно учёными. Их отбирали три года: психологические тесты, проверка стрессоустойчивости, симуляции кризисных ситуаций, экзамены по специальным дисциплинам. Все владели оружием и навыками ближнего боя — на случай непредвиденного. Состав подбирался не только по

профессиональным, но и по психофизиологическим характеристикам: разные характеры для баланса, давнее знакомство для доверия.

Мирослав — командир, майор. Глаза, привыкшие к длинным дистанциям. Убеждён, что в космосе есть загадки, которые ждут своего часа. И только ему было известно другое: бортовой искусственный интеллект вправе принимать решения в одностороннем порядке, если речь идёт о сохранении жизни экипажа и корабля. Секретный протокол, о котором не догадывались остальные.

Мила — штурман, майор. Зеленоглазая, с привычкой думать вслух и заразительно смеяться. Для неё отсчёт бортового времени начался ещё до старта. Она часто говорила: «Наше время теперь — бортовое», — и мысленно прокручивала траекторию главного манёвра снова и снова.

Алекс — астрофизик, майор. Слышал в данных что-то вроде музыки — ритм, который другие называли шумом. В нагрудном кармане держал кристалл с записью голоса матери.

Наташа — врач-биолог, капитан. Хотела найти жизнь там, где её быть не могло. И втайне боялась, что найдёт только пустоту.

Алексей — бортинженер, майор. Самый старший. Чувствовал корабль как собственное тело — слышал, как пульсируют энергоканалы, как дышит металл под нагрузкой. Семьи у него не было — ни жены, ни детей, ни даже кота, ко-

торый ждал бы у порога. «Союз» был его домом, а экипаж — семьёй, хотя вслух он этого никогда не говорил.

Арина — инженер-робототехник, капитан. Её дроны были продолжением её воли: точные, без суеты. Придерживалась одного правила: «Факты не лгут». Следила за потоками данных так, как другие следят за дыханием больного.

Ника — лингвист-контактолог, химик, старший лейтенант. Самая младшая в экипаже. Верила, что даже тишина космоса — это чья-то речь на незнакомом языке. Перед дверью медицинского кабинета произнесла:

— Мы платим временем за знание. Полгода нашей жизни — тридцать лет на Земле. Когда вернёмся с ответами, может, вопросы уже никто не задаст. Но это цена, которую мы согласились заплатить.

Каждый в экипаже мог заменить другого при необходимости. Но никто из них не мог быть уверен, хватит ли подготовки в случае контактов с иной цивилизацией.

И Каия — бортовой искусственный интеллект «Союза». Её имя — аббревиатура: Космический Адаптивный Интеллект Ядерного уровня. Но для команды она просто Каия. Экипаж воспринимал её как полноправного члена. Она не просто выполняла команды — она участвовала в диалоге, учитывала эмоциональный контекст, помнила предыдущие решения и могла предложить альтернативный сценарий. Её голос звучал мягко, почти человечно, она умела менять интонацию.

За пятьдесят минут до старта экипаж собрался у подножия «Союза» для проверки скафандров. Техники методично проверяли герметичность и работу систем жизнеобеспечения. Космонавты молча наблюдали за их движениями, каждый повторял в голове свои протоколы. Когда техники завершили проверку, генерал Голиков сделал шаг вперёд. Он оглядел экипаж — не как командир подчинённых, а как отец, отпускающий детей в дальний путь. Его голос, обычно твёрдый и командирский, прозвучал по-отечески:

— Как говорил Суныцзы: «Истинная мудрость в умении приспособливаться к обстоятельствам». Друзья, помните, вы идёте понимать. И не знаете, с чем столкнётесь.

В эту минуту широкий шлюз «Союза» распахнулся, словно приглашая экипаж переступить невидимую черту. Летний воздух струился внутрь, неся с собой едва уловимый запах озона и металла. Один за другим члены экипажа поднялись на борт. Ника на мгновение замерла на пороге, оглянулась на стартовую площадку — на генерала Голикова, техников, инженеров, врачей, пожарных, службу безопасности. Помахав им рукой, она шагнула внутрь.

Когда последний член команды переступил порог, массивные створки шлюза начали смыкаться. Глухой металлический удар поставил точку, а затем — тишина. Где-то в глубине корабля зашипели клапаны, и лёгкий ветерок от системы вентиляции принёс едва заметный аромат пластика и нагретых микросхем — запах, который отныне будет сопровождать их. Система подала сигнал: «Герметичность подтверждена».

В центре кабины мягко вспыхнул голубой свет. Из мерцающего конуса проекции возникла Каия — полупрозрачная фигура, разработанная специально для психологического комфорта экипажа в долгих миссиях.

— Экипаж, приветствую вас на борту «Союза». Диагностика систем жизнеобеспечения завершена. Кислород, вода, рециркуляция — всё в норме. Расчётное время миссии — пять месяцев и три дня бортового времени. С учётом релятивистских эффектов на Земле за этот период пройдёт тридцать лет и семнадцать дней, — доложила Каия. Голограмма замерла. В кабине воцарилось молчание.

Каждый в экипаже знал: расстояние до родной планеты и бег времени по законам далёких звёзд исключали любую возможность поддержки извне. А общий запас прочности систем жизнеобеспечения — кислорода, воды, питания и энергии — рассчитан на два года и два месяца бортового времени. Этого хватит, чтобы пережить даже самую длитель-

ную чрезвычайную ситуацию и вернуться домой, полагаясь лишь на собственные силы и несокрушимый звездолёт, рождённый покорять бездны.

Мила представила, как за эти тридцать лет на Земле вырастут дети, состарятся друзья, изменится облик городов.

Алекс бросил короткий взгляд на Наташу — та замерла, не шевелясь, но по лёгкому движению губ можно было догадаться, что она тоже прокручивает в голове эту цифру.

Алексей, Арина и Ника были невозмутимы.

Экипаж занял свои места. Мягкое шуршание ремней безопасности, тихие щелчки фиксаторов — будто в последний раз проверяя: «Всё ли на своём месте? Всё ли готово к прыжку в неизвестность?».

Мила провела пальцем по экрану, где мигали индикаторы:

— Тридцать лет, ребята Мы улетим в одну эпоху, а вернёмся в другую. Мы станем легендой ещё до возвращения.

— Тогда сделаем так, чтобы эта эпоха нас запомнила, — сказал Алекс с улыбкой.

— За это время можно будет починить всё, что сломается дважды, — добавил Алексей.

— А я всё пытаюсь представить, какие письма ждали бы нас там если бы можно было их получить. Но вместо писем — будут только звёзды и космическая тишина, — произнесла Арина. — А вдруг за эти пять месяцев мы найдём что-то, ради чего стоило покинуть дом?

Мирослав посмотрел на неё:

— Именно поэтому мы вернёмся. Чтобы рассказать, как это было. Одна нога туда, другая обратно.

— Я обещала племяннице узнать, есть ли там единороги, — сказала Мила. — Она поверит только мне.

— А я, — сказала Ника, — обещала маме привезти инопланетный камень для коллекции.

— Камень? — спросила Арина с удивлением.

— А мой сын, — сказала Наташа, — хочет знать, одиноки ли мы во Вселенной.

До старта «Союза» оставалось тридцать минут. В командно-диспетчерском пункте инженеры сосредоточенно сверяли данные с трёх независимых систем: каждый параметр, каждый коэффициент дублировался, перепроверялся, сопоставлялся. Тишину нарушали лишь редкие щелчки клавиатур и приглушённое гудение серверов.

Диспетчер оповестил:

— «Союз», начинаем финальную проверку. Командир, подтвердите герметичность отсеков.

— Подтверждаю. Давление стабилизировано. Утечек нет.

— Центр. Штурман. Астрокоррекция выполнена, ориентиры зафиксированы. Готовы к следующему этапу.

— Подтверждаю, все системы зелёные, — ответил диспетчер. — Командир, вы готовы принять управление?

— Готов.

— До перехода в автономный режим — десять минут. Начинаю отключение внешних кабелей, — сообщила Каия.

За бортом «Союза» массивные манипуляторы отстыковывали топливные шланги. Каждый щелчок разъёма отзывался по корпусу — коротко, как удар пульса.

В динамиках раздался голос генераллейтенанта Голикова — тёплый, но строгий:

— «Союз», это Фёдор Фёдорович. Удачи, ребята. За вами — весь мир.

— Так точно, Фёдор Фёдорович. Мы не подведём, — сдержанно ответил Мирослав.

На борту «Союза» каждый член экипажа переживал этот миг посвоему: Мила почувствовала, как вспотели ладони, когда автопилот выдал: «Все системы на максимуме». В голове — только цифры, маркеры, траектории. И вдруг она вспомнила себя девчонкой, которая смотрела в небо и мечтала летать. — Мечты сбываются, — произнесла она.

У Алекса в памяти остался голос матери. Он мысленно повторил: «Я вернусь», — и вновь сфокусировался на приборах.

Наташа контролировала на мониторах состояние экипажа: сахар, пульс, давление. Всё в норме.

— Давайте уже полетим, — обратилась она ко всему экипажу и засмеялась.

— Что, не терпится увидеть чужеродную биологию? — воскликнул, улыбаясь Алексей.

Он слушал, как нарастал гул двигателей, оживала энергия в энергоканалах. Корабль дышал — и он чувствовал это

каждой клеточкой. «Мы готовы», — подумал он, наблюдая за показателями.

Арина фиксировала каждое изменение на панели. «Факты не лгут», — сказала она чётко, без эмоций.

Ника вслушивалась в звуки систем. Ей казалось, что космос уже говорит с ней — на языке, который она понимает. Она ждала первых нот неизвестной речи, первых знаков иного разума.

И тут прозвучал чёткий, размеренный голос диспетчера: — «Союз», доложите о готовности к старту. — Говорит командир корабля, автопилот активирован. Все системы на максимуме.

— Вас понял, «Союз».

— Подтверждаю, — отозвался бортовой голос Каии. — Время старта — семнадцать часов сорок две минуты по Гринвичу. Московское время — двадцать часов сорок две минуты. Автопилот переведён в режим старта. Начинаю обратный отсчёт:

десять... девять... восемь... семь... шесть... пять... четыре... три... два... один...

Старт!

С первыми импульсами стартовых двигателей пол под ногами экипажа содрогнулся — не резко, а мощно, раскатисто. Гигантские опоры разошлись в стороны. Изпод основания вырвалось огненное пламя — сначала сдержанное, потом всё более яростное. И «Союз» начал неторопливо, уверенно от-

рываться от земли.

Первые секунды полёта — это не стремительный рывок, а нарастающее усилие. С последним движением опор корабль обретает свободу — и тут же устремляется вверх, словно боясь упустить миг; затем — ещё один толчок, мощнее, и вот уже стартовый стол уходит вниз, скрываясь в бушующем море огня. Вибрация пронизывает каждый сантиметр корпуса. Панели мерцают, экраны на мгновение гаснут от напряжения, а затем вновь оживают. Перегрузки нарастают плавно, но неумолимо. Экипаж вжимается в кресла, их лица — сосредоточенные, почти бесстрастные. Каждый знает, сейчас «Союз» проходит самое опасное испытание — преодоление земного притяжения. Звук рёва двигателей — не однотонный, а многослойный; басовитый гул основных ускорителей, пронзительный свист вспомогательных сопел, металлический гул корпуса, который то сжимается, то расширяется под напором сил.

— Центр, параметры в норме, — доложил командир.

— Подтверждаю, системы стабильны, — добавила Мила, не отрывая взгляда от экранов. — Траектория в норме. Перегрузки в допустимом диапазоне. Щит активен.

«Союз» стремительно поднимался. Земля уплывала вниз, небо наливалось тёмной глубиной. В воздухе мерцала голограмма Каии:

— Квантовые модули синхронизированы. Отклонений нет.

Мирослав вышел на связь:

— Центр, «Союз» на связи. Этап подъёма завершён. Высота — сто шестьдесят тысяч километров, наклонение — пятьдесят одна целая шесть десятых градуса. Запрашиваю подтверждение перехода к следующему этапу.

— Принято, «Союз». Подтверждаем выход на расчётную орбиту. Переходите к протоколу «Орбита-два»: два витка для полной проверки систем.

— Понял, Центр. Начинаем протокол «Орбитадва», — ответил Мирослав. — Мила, держи траекторию. Каия, активируй режим мониторинга.

— Режим мониторинга активирован.

Первый виток, рутинная проверка систем. «Союз» скользил над зоной рассвета Земли. В иллюминаторах мерцали звёзды, а чернота космоса казалась — не угрозой, а просто фактом.

— Центр. Траектория стабильна. Отклонение равно нулю. Гравитационные возмущения в пределах нормы, — доложила Мила.

Алекс добавил, не отрываясь от панели:

— Оптические сенсоры активированы, сканирую пространство на мусор и микрометеориты. Пока чисто.

Мирослав, сверяясь с данными, обратился к Центру:

— Центр. На первом витке зафиксировали незначительные колебания в квантовом поле. Переходим ко второму витку.

— Принято, «Союз». Ждём данные.

В командном отсеке стало тихо. Корабль плавно огибал Землю, и в этом размеренном движении, в лёгком гуле систем, вдруг обнажилась настоящая реальность: они уже не на Земле. Не просто в космосе — а на пороге прыжка.

Экипаж завершил первичные проверки, все системы стабильны, траектория в норме. Только теперь, в короткую передышку, каждый смог позволить себе заглянуть вглубь — туда, где цифры и доклады растворялись в чёмто большем. Именно тогда, в этой тишине, каждый из них почувствовал то, что скрывалось за цифрами и докладами: одиночество. Не физическое — а экзистенциальное. Осознание, что через тридцать минут они пересекут черту, после которой время начнёт течь иначе.

Мирослав смотрел на звёздную россыпь, и в груди разрасталась тяжёлая пустота. У него был только сын — и это было его главным богатством. Они никогда не теряли связи, ни в детстве, когда Мирослав учил его завязывать узлы и читать азбуку, ни в юности, когда сын спорил с ним о смысле жизни и выборе пути. Даже сейчас, взрослым, он оставался тем же — открытым, честным, готовым слушать и говорить. Их отношения были апофеозом отцовской любви и взаимного уважения: без упреков, без недоговорённостей, с глубокой внутренней близостью. В памяти всплыло их последнее прощание. Сын стоял у трапа самолёта; он смотрел снизу вверх, и в его глазах была не обида — а тревога.

— Ты уверен? — спросил сын. — Это же не просто командировка.

Мирослав улыбнулся. Впервые за долгое время ему было трудно подобрать слова — не потому, что не хотел говорить, а потому, что слова казались слишком малы для того, что он чувствовал.

— Я должен, — сказал он. — Но я вернусь. Обещаю.

— Знаю, что должен, — сказал сын и кивнул. — Я люблю тебя, пап. Я буду ждать.

Мирослав обнял сына и не спешил отпускать — сын обнял в ответ, вцепившись пальцами в куртку, — будто хотел унести с собой это тепло. И всё же сейчас, перед таким полётом, его одиночество обрело новый смысл.

Мила проводила пальцами по голографической карте, будто пыталась запомнить каждую звезду. Вчера она закончила письмо матери — «Ты не спросишь, где я. Но я скажу: в космосе». Теперь эти строки звучали как приговор. В груди сжималась тоска, на Земле остались самые дорогие люди. Только мысли о маме не приносили утешения — лишь острый, колющий холод.

Мама всегда была другой. Не той, что обнимает перед сном, не той, что шепчет «всё будет хорошо». Её любовь выражалась в жёстких правилах, в бесконечных «должна», «обязана», «не подведи». В детстве Мила мечтала услышать от неё простое «я горжусь тобой», но вместо этого получала список недочётов: «Почему не на первом месте? Почему не

идеально?» Даже когда Мила поступила в академию, мама лишь кивнула: «Академия? — Мама прищурилась. — Только не надейся, что я буду тебя жалеть, если провалишься. Ты выбрала — ты и отвечай».

Но была сестра. И была маленькая племянница — её солнечный лучик. Мила вспомнила, как они устраивались в мягком кресле в детской, и она читала девочке сказки — с выражением, делая паузы на самых волнительных моментах. Племянница слушала, широко раскрыв глаза, а потом засыпала, прижимая к себе любимую игрушку. Что будет с ней через тридцать лет? — мысль пронзила Милу острой болью. Кем она станет? Будет ли помнить меня? Что останется от её мира через тридцать лет? Она боялась воспоминаний: в темноте ей чудились пустые улицы родного города, заросшие травой. В ушах всё ещё звучал голос матери — строгий, как метроном: «Ты знаешь, что должна сделать». И рядом с этим голосом — тихий шёпот племянницы: «Тётя Мила, почитай ещё»

По её щеке потекла слеза — чистая, как прощание с прошлым. Она поджала губы, пытаясь удержать улыбку девочки, её тёплые пальчики, цепляющиеся за рукав: — Это — то, что я защищаю. Это — то, ради чего стоит вернуться, — сказала Мила еле слышно.

Алекс вслушивался в тишину корабля и слышал только эхо голосов людей, которых уже не встретит. Он помнил, как смеялись над его «космическими симфониями» в универ-

ситете. Теперь эти люди состарятся, а он — вернётся молодым. Он улыбнулся. В голове крутилась строчка из старой песни, которую они когда-то пели в университете: «Мы уходим, чтобы стать легендой». Он не хотел быть легендой. Хотел просто жить. Но выбор был сделан.

Наташа видела не биометрические цифры на мониторах, а лицо сына — взрослого, полного надежд. Перед стартом он смотрел на неё с особой теплотой, будто старался запечатлеть этот миг. Как искать жизнь в глубинах космоса, зная, что самая важная жизнь ускользает? Она мысленно повторила его имя. Память — единственный мост, который со временем станет островом, окружённым вечностью.

Алексей чувствовал, как дрожит корпус корабля, и это успокаивало. Металл не предаст. За полгода до старта не стало мамы. В последний раз он видел её слабой, но она всё равно пыталась улыбнуться. Долго молчала, а потом сказала:

— Знаешь, Алёша Я не о звёздах мечтаю. Хочу увидеть тебя счастливым — рядом с женой, с детьми. Внуков бы по нянчить Чтобы ты не мотался, где то там, за сотнями световых лет, а был здесь — с семьёй, с теми, кто любит тебя по настоящему.

Он не нашёл тогда слов для ответа. Только сжал её руку — такую хрупкую — и кивнул. Теперь её комната пустовала. Дом стоял запертым. Ветер шевелил занавески в их гостиной — так же, как и прежде, но уже без неё. Что останется от её мечты через тридцать лет? — мысль кольнула изнутри.

Он закрыл глаза, пытаясь удержать образ: её руки, тёплые и ловкие, её голос, напевающий старую песню. Он чувствовал: если корабль жив, значит, жива и память о маме. Он будет держать эту связь — через пульсацию энергоканалов, через дыхание металла. Каждый гул сервоприводов, каждый ритм генераторов становился для него отголоском её присутствия. И пока он слышит этот ритм, она остаётся рядом. Её слова — не упрёк, а тихая просьба о земном счастье — звучат в нём даже здесь, среди звёзд

Арина проверяла интерфейс управления дронами, движения её пальцев были точными. Каждый жест — как строчка из давно выученной наизусть песни. Но сегодня мелодия сбивалась: в голове снова и снова всплывало воспоминание о том дне, когда они с Никой узнали, что прошли отбор для миссии.

Тогда, в холле Центра подготовки, они стояли перед списком отобранных кандидатов. Руки дрожали, глаза искали свои фамилии. И когда нашли — не поверили. Ника первой рассмеялась, потом заплакала, потом снова рассмеялась. Арина обняла её, чувствуя, как внутри растёт одновременно восторг и ужас.

— Что теперь? — спросила Ника, вытирая слёзы.

— Теперь — Арина огляделась, заметила на столе стопку бумаг, вырвала лист, быстро написала:

«1. Вернуться.

2. Найти наш старый двор.

3. Сварить какао по маминому рецепту.
4. Рассказать всё — от начала до конца.
5. Начать заново».

Свернула листок в самолётик и пустила по воздуху. Ника поймала, прочитала, улыбнулась и дописала: «6. Не забыть про сушки!» Обе рассмеялись.

Сейчас, глядя на мерцающие экраны, Арина снова ощутила тот холодок страха. Что, если Ника была права тогда, в холле? Пять месяцев полёта — и тридцать лет на Земле. Их родители, друзья, даже город, где они выросли, — всё превратится в воспоминания, в пыль на старых фотографиях. Арина посмотрела на сестру. Ника, сосредоточенно изучающая данные с датчиков, что-то бормотала себе под нос, хмурилась — такая знакомая, такая настоящая.

— Нет, мы не позволим времени стереть нас. В этом корабле, среди звёзд, у нас есть то, что нельзя отнять: память о том самолётике, о смехе сквозь слёзы. Пока мы помним — мы остаёмся собой. Остаёмся семьёй. Я знаю, — подумала Арина.

Ника почувствовала, как в груди разрастается пустота — не боль, а просто отсутствие чего-то необходимого. Она сделала глубокий вдох, ожидая услышать хотя бы эхо собственного дыхания в наушниках, но воздух проходил сквозь неё бесшумно. Корабль был полон звуков: гул вентиляторов, щелчки реле, — но всё это не заполняло тишину внутри.

В памяти всплывали обрывки детства: жаркие споры с ба-

бушкой, которая вечно твердила: «Сиди смирно, не суетись, будь как все!» А Ника не могла — ей нужно было всё потрогать, всюду залезть, узнать, как устроено. Она доводила бабушку до белого каления, но та всё равно любила её — ворчливо, по-своему.

А мама Мама всегда вставала на её сторону. «Пусть исследует, — говорила она. — В этом её сила». Мама покупала ей микроскопы, химические наборы, книги по астрономии. Именно мама первой поверила, что Ника сможет попасть в космическую программу.

— Я здесь, — сказала Ника вслух, словно бросая вызов пустоте вокруг.

В голове роились вопросы: «А что, если где-то за этими помехами — ответ? Если где-то есть жизнь, которую мы даже вообразить не можем?»

Она представила, как её книги пылятся в библиотеке, а её имя стирается из памяти. Но тут же мысленно добавила: «А может, я напишу новую книгу — там, среди звёзд? О том, что никто ещё не видел».

Ника оторвала взгляд от панели. В иллюминаторе проплыл Тихий океан — бескрайний, равнодушный. Она вспомнила мамины слова: «Пусть исследует. В этом её сила». Теперь это была не просто фраза — это был её компас.

Тишина в отсеке нарушалась лишь мерным гулом систем и тихим шелестом вентиляции. Корабль плавно скользил по расчётной траектории — второй виток шёл по инерции.

Экраны показывали стабильную картину, а навигационные маркеры твёрдо держали курс. Экипаж молча следил за показаниями. Каждый понимал: это не просто очередной виток. Это последняя «привычная» точка орбиты перед зоной нестабильности, где законы времени и пространства начнут меняться.

На экранах замигала зелёная индикация:

«ПРОТОКОЛ «ОРБИТА ДВА» ЗАВЕРШЁН».

— Два витка завершены. Все параметры в норме. Гравитационные аномалии отсутствуют. Дистанция до Земли — сто шестьдесят тысяч километров, — прозвучал голос Милы.

Мирослав подхватил: — Центр управления, «Союз» на связи. Запрашиваем разрешение на переход к режиму искривления. Готовность девяносто восемь процентов.

Центр ответил мгновенно: — «Союз», подтверждаем. Параметры в норме. Разрешаем переход к режиму искривления. Удачи, экипаж.

— Принято. Активируем протокол искривления. Каия, иницируй старт синхронизации квантовых модулей.

— Синхронизация квантовых модулей начата, — откликнулась Каия.

Корпус корабля едва заметно дрогнул.

— Начинаем курс на точку искривления, — скомандовал Мирослав.

— Выполняю, — откликнулась Каия.

На главном экране вспыхнул символ:
«ИСКРИВЛЕНИЕ — АКТИВАЦИЯ».

По корпусу пробежала дрожь, пространство словно сопротивлялось. Квантовые модули по бортам вспыхнули холодным голубым светом. Воздух наполнился низкочастотным гулом — давлением на кости черепа.

— Каия, доклад по системам.

— Варп-двигатель активирован, идёт накачка поля. Параметры соответствуют расчётным. Готовность к переходу — девяносто восемь процентов.

— Центр, предстартовая фаза завершена. Критических отклонений нет.

— «Союз», Центр. Наблюдаем стабильные показатели.

— Экипаж в норме. Психоэмоциональный фон стабильный, — сообщила Наташа.

— Центр, врач подтверждает: экипаж готов. Запрашиваю разрешение на вход в канал искривления.

— «Союз», разрешаем. Приём.

— Принято, Центр. Каия, старт обратного отсчёта.

— Начинаю.

Десять... девять... восемь... семь... шесть... пять...

На экране загорались цифры. Пространство вокруг «Союза» как будто натягивалось. Звёзды на экранах поплыли, вытягиваясь в тёмные полосы.

Четыре... три...

Экран моргнул. На секунду — тьма. Потом вернулось

изображение.

Два... один...

Тишина. Только гул в костях. Экипаж замер.

— Старт.

В тот же миг перед «Союзом» возник мерцающий овал — не отверстие, а рана в ткани реальности. Он пульсировал, переливаясь синефиолетовым пламенем, словно разрыв, заполненный звёздами. Пространство вокруг корабля задрожало, будто натянутая до предела мембрана.

На экранах вспыхнули хаотичные помехи. Звёзды на обзорных панелях разорвались на фрагменты — длинные огненные штрихи, разлетающиеся в стороны, будто осколки стекла, — а затем исчезли. В последний миг на краю искажения мелькнул край Земли — голубой полумесяц, окаймлённый золотом. Пространство лопнуло.

Земля осталась позади — как сон, как воспоминание, как точка.

Связь с Центром оборвалась. В зале настала мёртвая тишина. Диспетчеры застыли перед погасшими экранами. Голиков снял наушники.

— Они ушли.

Оператор связи нервно сообщил:

— Сигнал полностью отсутствует. Ни телеметрии, ни несущей частоты.

Второй, проверяя резервные каналы, доложил:

— Все частоты молчат. Фоновый шум исчез.

— Ждём, — сказал Голиков.

На борту «Союза» пульсировали индикаторы:

— Каия, первичная диагностика после скачка, — скомандовал Мирослав.

Каия ответила через двадцать семь секунд:

— Все критические системы в норме. Пройденное расстояние за минуту — семнадцать миллионов девятьсот девяносто восемь тысяч километров. Начинаю расширенную проверку.

— Наташа, состояние экипажа. — Здоровы. Перегрузки в допустимом диапазоне.

— Центр, «Союз». Скачок завершён. Все системы работают штатно. Экипаж в норме.

В Центре управления тем временем шла пятьдесят восьмая минута ожидания. Голиков стоял у главного пульта. Перед глазами снова встала хроника: «Прометей1» выдержал десять минут — десять! — стабильного разгона. Двигатель работал чисто, телеметрия показывала норму. А на одиннадцатой минуте — вспышка, обломки, молчание. Сейчас на хронометре — пятьдесят восемь минут. Почти в шесть раз дольше. Но каждая новая секунда лишь подстёгивала тревогу, если сбой возможен, он случится именно сейчас — на грани ожидания.

Вокруг кипела работа; операторы в наушниках сверялись с мониторами, на десятках экранов бежали строки данных, мигали графики траекторий, пищали системы оповещения.

Но главный экран оставался чёрным — ни сигнала, ни телеметрии.

За спиной Голикова раздался твёрдый шаг. Генералмайор Алексей Иванович Кузнецов подошёл, положил руку на плечо Голикова.

— Не переживай, Фёдор Фёдорович. Двигатель справится. Я сам его строил. Каждый узел проверял лично. Мы сделали всё, что могли. Теперь — только ждать и верить.

Голиков не ответил. Его взгляд не отрывался от хронометра: пятьдесят восемь минут тридцать семь секунд. В зале царило напряжённое молчание. Каждый понимал: если «Союз» не выйдет на связь в ближайшие минуты, это может означать худшее.

И всё же Голиков мысленно цеплялся за одну мысль: время здесь, на Земле, и там, на борту, текло поразному. По расчётам, их минута соответствовала более чем часу по земному хронометру. Значит, для экипажа прошло куда меньше — едва ли полминуты с момента скачка. Они ещё даже не подошли к той роковой отметке, на которой сорвался «Прометей1».

— Да, Алексей, только «Прометей» сорвался на разгоне. А «Союз» уже в полёте. Это другие нагрузки, риски на скачке и на разгоне — не одно и то же.

— Если что-то пойдёт нештатно, Каия успеет отправить сигнал на Землю за доли секунды до Ну, ты знаешь. — Кузнецов не договорил.

В этот момент в зале раздался голос Мирослава — ровный, без тревоги. На главном экране вспыхнуло:

«СКАЧОК: УСПЕШНО. ЭКИПАЖ ЖИВ. ВСЕ СИСТЕМЫ В НОРМЕ. ПРОЙДЕННОЕ РАССТОЯНИЕ ЗА МИНУТУ СЕМНАДЦАТЬ МИЛЛИОНОВ ДЕВЯТЬСОТ ДЕВЯНОСТО ВОСЕМЬ ТЫСЯЧ КИЛОМЕТРОВ».

— Автоматика подтвердила! — выдохнул с облегчением Голиков. — Они живы и на курсе. Миллионы километров, невероятно.

Секунду зал молчал. Потом взорвался.

— Есть сигнал! — крикнул кто-то из инженеров.

— Живы!

Люди вскакивали с мест, обнимались, хлопали друг друга по плечам. Послышались аплодисменты, смех, звонки в смежные отделы. Час неизвестности остался позади. Кузнецов крепко пожал Голикову руку. Они обнялись.

— Вот и всё, Фёдор Фёдорович.

— Выдержали, Алёшка, — радостно воскликнул Голиков.

А на «Союзе» экипаж испытывал смешанные чувства: облегчение и недоверие к свершившемуся. В ушах ещё стоял лёгкий звон, а экран плыл, будто пространство не успело стабилизироваться. Мирослав улыбнулся: — Мы сделали это. Первые в истории.

На панели вспыхнули строки: «Корпус: цел». «Атмосфера: норма». «Энергия: девяносто семь процентов». «Навигация: активна».

Экипаж оживился. Наташа обернулась к остальным, её глаза блеснули:

— Мой сын будет гордиться.

Алексей ритмично постучал пальцами по подлокотнику, бросил взгляд в иллюминатор — на незнакомые звёзды — и улыбнулся:

— Эта птичка ещё себя покажет. Знай наших.

Арина наклонила голову, будто прислушиваясь к чему-то внутри себя:

— Никогда не думала, что это случится со мной. Мы первооткрыватели.

Мила, глядя на температурные графики, неожиданно рассмеялась:

— А я всё ждала, когда же почувствую, что мы летим со скоростью света. А оказалось — просто раз, и уже летим!

Ника, глядя в иллюминатор, запела: «А мы летим орбитами, путями не избитыми». Её голос, чистый и уверенный, разнёсся в наушниках экипажа. И весь экипаж подхватил: «Прошит метеоритами простор» — дружно, в полный голос. Так они отмечали свой триумф — песней, что объединила сердца в едином порыве. Последние ноты затихли — и тут же раздались ликующие возгласы:

— Мы сделали это!

Пристёгнутые к креслам в массивных скафандрах, экипаж ритмично стучал по подлокотникам. Мощный стук сливался с их ликующими голосами

В динамиках раздался бесстрастный голос Каии:

— Дополнительная диагностика завершена. Все системы работают в штатном режиме. Экипаж здоров. Рекомендация: снять скафандры.

Смех оборвался. Ктото нервно хихикнул, Мила, не скрывая улыбки, покачала головой:

— Каايا, ты как всегда вовремя Мы тут, победу празднуем, а ты

— Мои алгоритмы зафиксировали всплеск эмоциональных реакций, несовместимых с протоколом безопасности до подтверждения стабильности систем. Диагностика завершена, рекомендую снять скафандры для комфорта экипажа.

В бытовом отсеке они сняли скафандры, поместили их в герметичные ячейки для сушки, оставшись в лёгких полётных комбинезонах, с нашивками «Союза» на груди.

Экипаж вернулся на командный мостик. Мила первой обернулась к огромному обзорному иллюминатору в носовой части отсека и замерла:

— Смотрите...

Она сделала несколько шагов к обзорному стеклу. Один за другим к ней присоединялись остальные. За толстым стеклом, в обрамлении холодной стали корабля, распахнулась бесконечность. Звёзды горели ровно, холодно, равнодушно — в этой их неподвижности было что-то величественное и пугающее одновременно.

— Красиво, — сказала Ника.

— Страшно, — поправила Арина. — И красиво.

— Это одно и то же, — отозвался Алекс. — Космос.

Мила смотрела не отрываясь. Где-то там, за этим звёздным узором, осталась Земля. Маленькая точка, которую уже не разглядеть. А здесь, перед ней, — то, что никто не видел.

— Мы правда здесь, — сказала она негромко. — Не на тренажёрах. Не в симуляции. А сами по себе.

— Не сами, — возразил Алексей. Он положил ладонь на холодное стекло иллюминатора, будто гладил невидимое живое существо. — Корабль с нами. Каия с нами.

Наташа повернула голову и внимательно посмотрела на него:

— И мы, — сказала она. — Шесть человек. Тоже пока с тобой.

Алексей на секунду замер. Потом коротко кивнул, не оборачиваясь: — Я знаю.

И все поняли: знает. Просто забыл сказать. Ника прижалась лбом к стеклу, будто пыталась разглядеть в этой бездне что-то, кроме звёзд.

— Странно, — сказала она.

— Что? — Арина встала рядом.

— Мы ищем сигналы, языки, следы чужого разума. А вдруг они смотрят на нас точно так же? Видят точку, которая только что нырнула в искривление, и гадают: кто там? Друзья? Враги? Или просто путники?

— Мы и есть путники, — ответила Арина.

Мирослав слушал их молча. Дал им ещё несколько секунд:

— Так. Насмотрелись. Дальше — по расписанию. Первая вахта — мы с Алексеем. Восемь часов. После завтрака разобрать личные вещи, принять душ и лечь спать. Помним, организму нужно время для адаптации к условиям.

Один за другим они покидали отсек. Арина и Ника вышли вместе — Ника чуть задержалась в проходе, оглянулась на кома

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.